

Наверху — победитель усталый...

МАЛЕНЬКАЯ ВИКТОРИЯ НАД БОЛЬШОЙ ИНТРИГОЙ ПРИДАЛА КАТЕ НОВЫЕ, СВЕЖИЕ СИЛЫ

Статс-дама Чоголова исполнила свое обещание: она донесла в горние выси слова Фике о том, что в беседе с графом Санти даже не затрагивался вопрос о кончине Катиного отца, принца Христиана Августа, и какой-либо реакции на нее посольского сообщества. А посему докладная записка почтенного вельможи — сплошной дикий бред. На следующий день Мария Симоновна доставила юной подопечной отрадное известие: императрица изволит быть разгневанной вздорными сплетнями Франца Санти и, ни минуты не сомневаясь в истинности и искренности великой княгини, желает примерно наказать того, кто дерзнул обмануть саму государыню. Скорее подоспела весть о достойной сего эпизода каре: Францу Матвеевичу сделан — от имени престола — строгий устный выговор...

УЙДИ ОТ НАС, ЯЗЫК ТВОЙ НАС ПУГАЕТ!

На выговоре, однако, цепь событий, порожденных экзотическим рапортом, не оборвалась. Та же госпожа Чоголова принесла жалостливое письмо, в котором виновник оправдывался тем, что он-де плохо разобрал некоторые фразы Екатерины Алексеевны. Затем к Фике подошли придворные персоны — камергер Никита Панин, сыгравший впоследствии столь весомую роль на пике искрометной екатерининской «революции», и вице-канцлер Михаил Воронцов, который стоял когда-то ночью на запяточках быстрых саней, несших цесаревну Елизавету Петровну в заречные казармы лейб-гвардии Преображенского полка, откуда она, матушка, устремилась напрямик к Зимнему дворцу, где безмятежно почивала легкомысленная принцесса Анна Леопольдовна...

Оба сановника горячо убеждали Катю в нелицемерном раскаянии Франца Матвеевича, в том, что подлинным «заводчиком» был вечно злобствующий канцлер Бестужев-Рюмин, кто и подбивал робкого герольдмейстера на сей малопохвальный поступок. Граф Санти, шептали приятели, чуть не обливаясь горючими слезами, сознавая, что пребывает в немилости у супруги престолонаследника, и коленопреклоненно просит прощения. Фике

вздохнула и с классической протестантской выдержкой парировала, что лежец останется лежецом независимо от причин, побудивших его возвести на кого-то напраслину. Поэтому она не будет впредь беседовать и общаться с Францем Санти. Нигде и никогда!

ЭТО ЗНАЧИТ — БРАТА С ПОЛЯ ОКЛИКАЕТ БРАТ...

Дома, в будуаре, Екатерина подумала о том, сколь глубока и разумна по сути пословица «нет худа без добра». Из каждой подкованной передрыжки выходишь окрепшей и повзрослевшей, будто тебе в одночасье — вопреки всем законам календарного счета — накинута десятка или полтора десятилетия. И начинаешь иначе ощущать не только настоящее, но и прошлое.

...Еще до возвращения в Москву из Троице-Сергиевой обители Петр Алексеевич отослал старшему брату Ивану V пространную депешу о своих дальнейших шагах. «Милостию Божией, — чеканилось старинным, архаичным языком, — вручен нам, двум особам, скипетр правления прародительского нашего Российского царства... а о третьей особе, чтоб с нами быть в равенственном правлении, отнюдь не вспоминалось. А как сестра наша царевна София Алексеевна государством нашим начала владеть своею волею, и в том владении что явилось особам нашим противное, и

народу тягость, и наше терпение, о том тебе, государю, известно...

А теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей царевне Софии Алексеевне, с нашими двумя мужескими особами в титулах и в расправе дел бити не изволяем... Потому что учала она в дела вступать и в титулах писаться собою без нашего изволения, к тому же и царским венцом для конечной нашей обиды хотела венчаться.

Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас. Как, государь братец, случимся вместе — тогда поставим все на мере. А я тебя, государя брата, яко отца почитать готов... Писавый в печалы брат ваш царь Петр, здравия вашего желаю и челом бью».

Да, покачала головой Фике, хороший стиль для частного и одновременно открытого письма — доходчиво, ясно, понятно и трогает за душу. После такого послания грех было не устроить торжественную братскую встречу в Кремле, на ступенях Большого монаршего дворца. Ну а уж какую пищу для ума и политических спекуляций доставил этот переворот иноземным резидентам! От зари и до зари господа строчили в свои столицы подробные и обстоятельные донесения. Излагали мелочи, сообщая, что в Московии отныне повелевает резвый, энергичный Петр, окруженный надежными соратниками. А вот о «главном» царе, Иване Алексеевиче, основная масса посланников забывала второпях упомянуть.

СЛИЛИСЬ ВСЕ ЛИЦА, ВСЕ ОБИДЫ...

Весьма любопытный отчет составил для высоких начальников представитель той страны, которая больше прочих влекла тайные помыслы Петра, — голландский дипломат Иоганн ван Келлер. Типичный сын западного бомонда, он обладал полным букетом присущих этому слою качеств — наипаче всего упрямством и самонадеянностью, каковые не «лечило» даже изрядное образование. Но в трудолюбии и аналитической зоркости отказать сему агенту было нельзя. «Как самодержец, — докладывал герр Келлер в Гаагу, — Петр наделен выдающимся умом и отменной проницательностью, обнаруживая, равным образом, умение располагать к себе людей. Он, безусловно, склонен к военному попри-

«Взойди на трон, благословен и коронован...» Двойной престол для государей-двурцарственников — Ивана V и Петра I.

«Там профиль девы онемелый...» Золотая наградная медаль времен нескромной царевны Софии. На аверсе — сама правительница в царском венце и со скипетром. Рядом — цветок, напоминающий королевскую лилию французских Бурбонов. На реверсе — втрое меньшие изображения братьев в княжеских венцах.

щу, и многие убеждены, что настал день, когда татары (так просвещенный европеец фривольно называл русских. — Я. Е.) обретут своего истинного вождя».

В принципе ван Келлер попал в точку, но ошибся в сроках. Молодой орел не воспарил еще на российский олимп. Он, правда, вырвал бразды у мятежной сестрицы и ее фаворита Василия Голицына, мягко и осторожно отстранил старшего брата Ивана V, на редкость равнодушного к державным проблемам, но и сам не проявил пока особого интереса к абсолютной власти. Посты и должности разлетелись по его ближайшей родне, и надлежало говорить — на ранних этапах! — не о личном триумфе Петра, а о клановой победе партии Романовых-Нарышкиных, связанных со второй женой покойного венценосца Алексея Михайловича Натальей Кирилловной, над партией Романовых-Милославских, неотделимых от первой супруги Алексея Тишайшего Марии Ильиничны.

Возглавить правительство поручили младшему брату государыни Натальи — 25-летнему боярину Льву Кирилловичу. Бойкий и инициативный, но ограниченный и туповатый, сей вельможа периодически погружался в запой, что, естественно, на недели выбывало его из политики. В тогдашнюю эпоху любовь к стакану не считалась каким-то пороком, но когда бояре и дьяки ждали важного человека на встречах и советах, а таковой по веским причинам «не наблюдался», — задачи решали сами, без ценных указаний сверху.

Ответственные ниши заняли помимо Нарышкиных дворяне Лопухины, от кого тянулись корни благоверной Петра, Евдокии Феодоровны. «Кабинет» формировался в старом добром духе — не по талантам и заслугам, а по знатности и родственности. Около десяти лет, до возмужания Петра, эта каста княжила и володела громадной Россией, не совершив ни в одной из сфер ничего выдающегося или хотя бы ошутимого. Но себя, как положено, герои не забывали: казна разворовывалась регулярно и масштабно. Зато болезненный помазанник Божий, Иван Алексеевич, обрел настоящую свободу. Не вникая ни в какие дела, он сохранил все почетные функции и неукоснительно посещал придворные церемонии и церковные службы. Стоял или сидел рядом с Петром, а затем поднимался и уходил во внутренние покои — к маленьким дочкам и жене Прасковье Феодоровне, прекрасной волжанке-нижегородке, ставшей блестящей, но безвластной царицей московской...

«Я помню: далеко шумит, шумит столица...» Медведчики. Старая Москва (художник Аполлинарий Васнецов, 1911 год).

